

заглушить, разговор на кухне, вино. Жалоба появляется в этом списке автоматически. "Все это есть тихий, замедленный конец света". "Жизни почти нет... Мы дышим воздухом, непригодным для дыхания." Но эта жалоба показывает еще и отрыв от истории. Ведь Айзенберг вспоминает 1915-1930 годы как период, когда прошло столько разных эпох - в противовес окружающей нас неподвижности - но именно тогда Цветаева говорила, что "жизнь - это место, где жить нельзя". И вообще "времена не выбирают" (А.Кушнер). "Сминающее внешнее давление" присутствует, видимо, всегда - и "стиховое давление", о котором говорит Айзенберг, действительно этому внешнему давлению противодействует. Но для этого поэт должен быть либо холоден, как Бродский, либо горяч, как Седакова. Но не тепл, только тепл.

Айзенберг, к счастью, непоследователен. То, что было выгнано в статьях в дверь, в стихах возвращается в окно. "Красноперые улыбки", "песок, пересаженный в камень", "увязанная кровь" и еще многое, что хорошо воссоздает переживаемые Айзенбергом состояния - не осужденные ли им самим "метафорические экивоки" и "фигурное шитье мысли"?

2. ПРАВДА О КАТАСТРОФЕ ИЛИ КАТАСТРОФА ПРАВДЫ

Есть другой человек, который последовательнее - Вс.Некрасов. Автор этих строк хотел бы оговориться, что, при всех возражениях, понимает значение Всеволода Николаевича, и с большим удовольствием рассказывает о его поэзии студентам на лекциях. Это - часть современной литературы (пусть и не вся современная литература, как думает Вс.Некрасов), об этом интересно спорить. Но послушаем Всеволода Николаевича.

"Нам не надо было поэтичности помимо фактичности - ну, или реальности или конкретности." (-

Далее все цитаты - из работ Некрасова, помещенных в книге "Пакет") "Ценою минимизации - или обнажения конструкции или каких-то еще эксцессов, но снять риск вранья и обмана." Не значит, что подобные предметы (вроде свечи) воспрещаются - но они опасны по своей активной эмоциональности - тут либо пан, либо пропал... Необыденная, приподнятая интонация - дополнительный риск". "Главная цель искусства - как сказать, чтобы не сорвать". Некрасов фанатично предан правде - казалось бы, что тут плохого? - но он боится рисковать.

"Если перестараться, чересчур добросовестно нагружая речь смыслами и сообщениями, речь наша, глядишь, и обернет смысл глупостями." Из-за риска ошибки Некрасов запрещает попытки вообще. Это похоже на идею в духе приговского Милицандера - посадить всех в тюрьму заранее, чтобы не могли ничего украдь. Так надежнее.

"Мы-то как раз ждали надежности". Некрасов полагает, что "Искусство всегда ищет самодействующие способы. Чтобы дело шло само и без ошибок." Искусство вовсе не всегда ищет этого. Ценимый Некрасовым Кушнер - кстати, пишущий только метрическим стихом - не устает напоминать, что поэту ничего не гарантировано, появление следующего стиха - также. Но Некрасов продолжает свое.

"Считать, что специальные поэтические предметы, аксессуары - скажем, та же свеча, могила, крест, гроб, череп, нож - автоматически приводят к поэзии, искусству - это, может, при Жуковском было, да с Пушкиным и кончилось. А сейчас если и попадется такая атрибутика, так ведь именно что у Юрия Кузнецова. Ну у Оли Седаковой." Едва ли так считал и Жуковский. Важен контекст - та система связей, в которую включено то или иное слово. Некрасов разбираясь в этой системе не хочет, он ее отбрасывает с порога. Тогда появляются запрещенные слова. И тогда все поэты-неконцептуалисты и неконкретисты оказываются на одно лицо, как китайцы. И Ю.Кузнецова, и Седакова.

"Концепт... идет дальше - демократизирует искусство..., чтобы не образовывались авторитетные "формы" и стили..., чтобы искусство было нашим общим, живым, постоянно творческим делом". Но как же раньше искусство жило без концептуализма? И почему Некрасов считает, что нельзя паразитировать на концептуализме точно так же, как на любом другом типе поэзии?

По Некрасову текст не должен противоречить "здравому чувству и смыслу, тому, что по-английски common sense". Но здравый смысл - историческое понятие, сегодня он один, завтра другой (именно эту относительность и вскрывает, в частности, концептуализм). И как раз поэт и может расширить область common sense. Но Некрасову это не требуется. "В той нашей повседневности, которая питает нашу речь..., должно быть наше все." Некрасов воссоздает язык повседневности, язык человека, искалеченного советской жизнью. "Языком искусства становится самый обычный опыт повседневного существования, общения и поведения". Если это не зеркало, то что же? "Язык... нас доводит до жизни такой, ему и вытягивать нас помаленьку, иных способов не видно". Но Некрасов сам и ограничивает попытки языка - от сих и до сих. Чтобы не сорвать.

"Застать мысль, как она есть, в момент возникновения, передвижения,... только

оформляющуюся в речь". Видимо, по мнению Некрасова, дальнейшее обдумывание стих только портит. От того, что оно может его и улучшить, Некрасов заранее отказывается. "Когда удается вымолвить слово, свое слово - тут речь сама себе стих." То есть опять правда превыше всего. Но как установить эту подлинность? Некрасов утверждает, что в искусстве есть только чувство "хорошо - плохо" - то есть интуиция - что очень похоже на эстетику почвенничества.

"Без чего лирики не бывает - без реального речевого сопереживания, узнавания, полнейшего совпадения речи читателя и автора со всеми-всеми колебаниями и обертонами." Некрасов любит Маяковского - следовательно, совпадает с ним. Некрасов любит подлинность. Но о подлинности Маяковского может быть и другое мнение, мнение человека, тоже очень чуткого к неправде - Ю.Карабчевского.

Видимо, подлинность у Некрасова связана с самодействием искусства.

"Если я не стараюсь, лодырницаю, а стих сам остается у меня в памяти - значит, такой стих чего-нибудь да стоит..."

Но так пристает к памяти надевший мотив эстрадной песенки. Кажется, именно так в свое время обвиняли Шостаковича - в том, что его мотив не может насвистеть кто попало. Кстати, поэзия с рифмой запоминается лучше. Но для Некрасова "мерный стих... сейчас - это эстетическая идеология засияла". Тут Некрасов аналогичен Кушнеру, утверждающему, что верлибр противопоказан русскому языку. Когда-то Нина Искренко на фестивале верлибра предложила проводить

еще фестивали пятистопного ямба с цезурой после второй стопы. Как на нее за это обиделись верлибрсты...

Так стремление к правде оборачивается идеологией. Причем довольно старого образца. "Критика как была, так и осталась критикой - искусством верно понимать и справедливо оценивать произведение". То есть Некрасов остался в XIX веке: возможно ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ понимание, произведению нужно выставить ОЦЕНКУ. Некрасов с сочувствием цитирует слова Э.Булата о русской живописи XIX века: "Никогда искусство не было так тесно связано с жизнью общества, как в то время в России... Зритель узнавал в нем свою жизнь, а в художнике - себя". То есть искусство - зеркало для общества. А Некрасов - современный передвижник. "Что "Нигде кроме, как в Моссельпроме" поэзия самой высокой квалификации - возможно, хоть найдется, на мой взгляд, у того же автора поэзия и повысоквалифицированней. А вот что "Амуры и Зефиры все распроданы поодиночке" - поэзия не хуже, не ниже "Я Вас любил"..., именно как поэзия не хуже, как речь максимального качества - я всегда был уверен". Любой народнический критик подписал бы под этими словами.

Стремлением приблизиться к максимально простым речевым актам Некрасов действительно приблизил искусство к жизни, почти уничтожил грань жизнь/литература. Но тогда почему он жалуется, что теперь "что такое литература" решает критик или редактор? Некрасов сам же сыграл на понижение, уничтожил само за себя говорящее богатство смыслов. Некрасов напоминает старого большевика в 30-е годы. Разумеется, такой человек честен и не вписывается в систему новой власти. Но он близок к ней стилистически - и в значительной степени сам подготовил то, чему теперь ужасается. Дорога в ад вымощена именно благами намерениями. Логично, что Некрасову близок Окуджава с его "честно-большевистской" романтикой, комиссарами в пыльных шлемах.

Так из стремления отразить правду о катастрофах нашей жизни получилась катастрофа правды. Оказалось, что при отказе от риска сложности высказывания будет правдивым, но слишком элементарным. Подтвердилось, что человек должен иметь возможность лжи и ошибки, чтобы иметь возможность сказать хоть что-то, выходящее за пределы ближайшего бытового опыта.

"Никто не может объять необъятное, не скажет, что ему, мол, внятно все... Чего-то он да не понимает, не видит. И первым делом плохо искусству,... когда ограниченностью приучаются гордиться, как убежденностью." Этой вполне очевидной мыслью Некрасова и хотелось бы закончить. Но не получится. Потому что автор этих строк хотел бы еще раз оговориться, что Айзенберг, Некрасов, Сатуновский, Гандлевский, Холин - это, безусловно, поэзия. Та, что у нас есть сейчас. Поэзия с точки зрения сейчас. Вполне логично делающая упор на понятность текста, связанные его с текущим житейско-речевым моментом. Но есть и поэзия с точки зрения всегда, голос среди других голосов, звучавших со временем "Сказания о Гильгамеше". И поскольку хвала содержательнее хулы, автор прекращает дискуссию и остается разбираться в том, что ему более интересно.

Это - не жалобная книга.